

Украинский кризис как момент истины

Текущий украинский кризис тесно взаимосвязан с долгосрочными перспективами экспорта российского газа как с точки зрения изменения маршрутов поставок (конкуренция украинского транзита, «Южного потока» и расширения «Северного потока»), так и развития спроса на российский газ на рынках ЕС и СНГ.

В статье проводится анализ перспектив диверсификации направлений экспорта российского газа в среднесрочной и долгосрочной перспективе с учетом прямых и косвенных последствий кризиса в энергетических взаимоотношениях России, Украины и ЕС и оценок потенциала спроса на российский газ в странах АТР.

Традиционно выбор поставщика на международном рынке энергоресурсов — это гремучая смесь рыночных интересов (выбор лучшей цены и условий поставок) и геополитической целесообразности. Политическая «нагрузка» к энергетическим контрактам существует, очевидно, в силу трех причин:

- большой общественно-политической значимости энергетики как инфраструктурной основы экономики;
- высокой инерционности большинства отраслей ТЭК, не способных оперативно перестроиться с одного крупного поставщика на другого (особенно в газовой отрасли);
- высокой доли поставок энергоресурсов в товарообороте между странами и торговом балансе стран-импортеров, что особенно актуально в последние 10 лет.

Естественно, в газовой отрасли на фоне развития биржевой и особенно спо-

товой торговли в последние годы происходит постепенный сдвиг к преобладанию рыночных механизмов. Но этот сдвиг, во-первых, медленный, во-вторых, далеко не повсеместный (даже внутри ЕС-28) и, в-третьих, почти не касается уже заключенных долгосрочных контрактов.

Политическая целесообразность в международной торговле газом исходит из необходимости обеспечения энергетической безопасности, то есть надежности источника и путей поставок газа. Из нее проистекают устойчивые региональные торговые газовые «союзы»: США и Канады, ЕС и Норвегии, Ирана и Туркмении и т.п. В этих союзах энергоизбыточные страны выступают в качестве сырьевого тыла обычно более развитых, но энергодефицитных стран. Те страны, которые не имеют такой надежной энергетической базы в лице соседнего политически ассоциированного или, по крайней мере, нейтрального государства, вынуждены «покупать» безопасность поставок высокими ценами, классическим примером чего являются Япония и Южная Корея — страны, привлекающие экспортеров со всего мира премиальным ценообразованием.

Универсальным ответом на проблемы энергобезопасности является, конечно, и диверсификация поставщиков и транспортных маршрутов. Однако она стала возможной совсем недавно — с бурным развитием рынка СПГ — и затронула пока не так уж много стран (в основном новых потребителей в АТР).

Ключевые слова:

экспорт газа, диверсификация, украинский кризис, потребление газа, энергетическая стратегия, энергетическая безопасность, Южный поток, СПГ

Россия занимает двойственное, если не сказать тройственное, положение на мировом газовом рынке. С одной стороны, для целого ряда стран она традиционно выступает в качестве того самого сырьевого тыла. К ним можно отнести Словакию, Армению, Грецию, Сербию и Финляндию (особняком стоит также Белоруссия, однако ее «лояльность» покупается в основном чрезвычайно низкими ценами на импортируемый газ). Вплоть до марта 2014 года к этому же ряду однозначно относилась и Германия, дальнейшее позиционирование которой до сих пор неясно. В 1990-х годах вся Европа надеялась, что Россия превратится во вторую Норвегию, то есть в политически нейтральный энергосырьевой тыл ЕС (сегодня норвежский экспорт покрывает 24% внутреннего потребления газа в ЕС). Однако к середине 2000-х годов в ЕС окончательно осознали, что Россия Норвегией быть не хочет. Очень кстати в это же время случился первый транзитный кризис на Украине (зима 2005–2006 годов), многократно усиленный потом кризисом января 2009 года. Именно тогда, а не сегодня было принято политическое решение постепенно сужать закупки российского газа. То есть, в отличие от упомянутых выше стран, для которых российский газ оставался и остается политически привлекательным, в большинстве других стран ЕС, а также на Украине, в Молдавии и в Грузии опять же **на политическом уровне** (а не на уровне непосредственных компаний-потребителей) российским газом стали тяготиться, даже без учета его низкой конкурентоспособности по цене в последние годы.

По исторической иронии в те же самые годы в качестве потенциального сырьевого тыла Россия стала рассматриваться в странах Северо-Восточной Азии. Это неудивительно, поскольку для Японии и Южной Кореи Россия — единственное соседнее государство, причем политически для них почти нейтральное (на фоне Китая, Ирана и пр.), способное поставлять энергоресурсы без выхода в Мировой океан с его растущими транспортными рисками. Для Китая Россия — не единственный такой сосед: конкуренцию ей составляют страны Центральной Азии и отчасти Мьянма. Однако поставки центральноазиатского газа в долгосрочном плане весьма уязвимы, прежде всего, из-за угрозы роста исламского экстремизма как в Средней Азии и Казахстане, так и

в Синцзян-Уйгурском автономном районе. Поэтому уникальность российского газа для Китая кроется именно в полном отсутствии транзитно-транспортных рисков (в «восточном» маршруте), как, впрочем, и в его логистической близости к рынку северо-восточного Китая, включая Пекин.

Наконец, в третьей ипостаси российский газ начинает выступать на азиатско-тихоокеанском рынке СПГ, пытаясь конкурировать здесь (при заключении контрактов на будущие поставки) с экспортерами со всего мира. Хотя среди российских экспортеров хорошим тоном считается относить именно СПГ к самому перспективному направлению экспорта, это с трудом уязвывается с не менее часто повторяемым утверждением о низкой конкурентоспособности российского СПГ по цене (что сушая правда: в этом российские проекты конкурируют только с австралийским угольным метаном) и о слишком запоздалом выходе на этот рынок, с чем тоже сложно не согласиться. Однако ключевая проблема заключается как раз в том, что российский СПГ за пределами Северо-Восточной Азии будет лишь одним из многих и совершенно не уникальных источников поставок. В отсутствие политической нагрузки Россия будет вынуждена торговать СПГ на основе сугубо рыночных механизмов (то есть конкуренции по цене и условиям), чего раньше она, в сущности, никогда не делала (оставим за скобками небольшие своповые операции «Газпрома»).

Что в этот контекст привнес украинский кризис, разразившийся в феврале 2014 года? По существу, ничего нового.

Кризм стал катализатором уже наметившихся процессов, к которым относятся следующие:

1. **Сжатие потенциальных экспортных ниш для российского газа в ЕС-28 на фоне долгосрочной и устойчивой стагнации его внутреннего рынка и увеличения числа внешних поставщиков. Следует заметить, что это не означает снижения абсолютных объемов потребления российского газа в ЕС в ближайшие 2–3 года, но со всей очевидностью можно констатировать, что эти объемы, вопреки прогнозам ОАО «Газпром», не будут расти, а в перспективе после 2020 года вполне можно ожидать и их уменьшения.**

Энергетика — одна из наиболее инерционных отраслей любой экономики,



БЕЛОГОРЬЕВ Алексей Михайлович —

заместитель Генерального директора по научно-организационной работе Института энергетической стратегии.

В 2005 г. окончил с отличием Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, в 2008 г. — аспирантуру Института славяноведения РАН.

В 2006–2009 гг. — эксперт-аналитик и затем руководитель отдела исследований газовой отрасли Института проблем естественных монополий.

В 2010–2012 гг. — руководитель Экспертно-аналитического управления по ТЭК и ученый секретарь Института энергетической стратегии.

Специалист в области экономики мирового нефтегазового комплекса. Соавтор 12 монографий и автор более 40 статей по развитию нефтегазового комплекса России и зарубежных стран, соавтор более 25 научно-исследовательских работ по указанной и смежной тематикам.



и соответственно она менее всего приспособлена к следованию политической конъюнктуре. Поэтому вероятность прямых, формализованных торговых санкций со стороны ЕС в отношении экспорта российских энергоносителей крайне невелика даже при самом драматичном развитии событий в юго-восточной Украине. Доля самого ЕС в этом экспорте составляет: по нефти и нефтепродуктам — около 88%, по природному газу — 70%, по углю — 50%. Любые сравнения с Ираном, против которого было вполне успешно в 2012–2013 годах задействовано нефтяное эмбарго, бессмысленны: Иран в лучшие годы поставлял в ЕС примерно в 4 раза меньше нефти, чем Россия, не говоря уже о газе или угле.

Вместо санкций будет медленное удешевление. Именно об этом и договорились главы ЕС на двухдневном саммите 21–22 марта. Быстро, просто и тем более дешевого решения для этого нет. Очевидно, что и дальше в ЕС будет расти электрогенерация на ВИЭ и угле, увеличиваться импорт СПГ, массово вводиться более энергоэффективное оборудование, возможно, даже пройдет частичная реабилитация ядерной энергетики и какое-то, хотя и ограниченное развитие получит добыча сланцевого газа. Но все это, во-первых, даст комплексный эффект не ранее 2020–2025 годов, а во-вторых, будет

стоить дорого и грозит существенно подорвать экономическую конкурентоспособность ЕС по сравнению, прежде всего, с США. А она в последние годы снизилась именно на фоне радикального дисбаланса цен на энергию на двух рынках. Достаточно вспомнить, что в 2013 году средняя оптовая цена газа на Henry Hub в США составила 133,1 долл./тыс. м³, а на NCG в Германии — 387,7 долл./тыс. м³, и так несколько лет подряд на фоне экономической депрессии.

2. Негативное отношение со стороны ЕС к российским газотранспортным проектам — третьей и четвертой веткам «Северного потока» (впрочем, судя по истории с Opal, к первой и второй тоже), «Ямал-Европа-2» и «Южному потоку».

Из названных проектов шансы на реализацию остаются только у «Южного потока» в основном благодаря тому, что он уже находится в продвинутой стадии разработки, и остановить его строительство правовыми путями сложно. В частности, в октябре 2013 года состоялась сварка первого символического стыка болгарского участка газопровода в районе КС «Расово». В ноябре 2013 года началось строительство сербского участка в районе с. Шайкаш (Южно-Бачский округ). Также в 2013 году был выполнен весь объем проектно-изыскательских работ для

строительства глубоководного участка морской части газопровода, намеченного на 2014–2015 годы. В отношении российского морского участка газопровода было получено положительное заключение о его воздействии на окружающую среду (ОВОС). В Словении была проведена подготовка документации по ОВОС и территориальному планированию. В Хорватии прошло согласование проекта договора и технического задания на разработку проектной документации для строительства газопровода-отвода. В июне 2013 года была подписана Дорожная карта по подготовке межправительственного соглашения с Боснией и Герцеговиной о сотрудничестве по реализации энергетических проектов на территории Республики Сербская. В декабре 2013 года был установлен первый из 14 ГПА на КС «Русская» около Анапы мощностью 32 МВт. 14 марта 2014 года South Stream Transport B.V. заключило договор стоимостью около 2 млрд евро на строительство первой из четырех ниток морского участка газопровода с Saipem S.p.A, укладка которой должна начаться этой осенью. Наконец, в 2013 году ОАО «Газпром» потратило около 109 млрд рублей на строительство «Южного коридора» — газопроводной системы на территории России протяженностью 2506,2 км, которая должна обеспечить подачу газа на КС «Русская» — начальную точку «Южного потока». Это почти 15% от общей стоимости проекта, которая, по последней оценке «Газпрома», составляет 738,54 млрд рублей. На реализацию проекта в 2014 году «Газпром» планирует направить еще 168,071 млрд рублей, что составляет без малого 21% от всей инвестиционной программы компании на 2014 год.

На фоне инвестиционной активности «Газпрома» Еврокомиссия в декабре 2013 года направила официальное письмо Правительству РФ с требованием пересмотра межправительственных договоров, заключенных в рамках реализации проекта с европейскими странами-транзитерами, а именно Австрией, Болгарией, Венгрией, Грецией, Словенией, Хорватией, с целью их согласования с требованиями Третьего энергетического пакета. В январе 2014 года была образована рабочая группа представителей Еврокомиссии и Минэнерго РФ для согласования позиций по возникшим претензиям

со стороны Еврокомиссии. Однако на момент начала Крымского кризиса никакие договоренности достигнуты не были. Следует отметить, что Сербия, ключевой союзник России на Балканах, в ближайшее время также планирует имплементировать нормы Третьего энергетического пакета в рамках общей политики победившей на парламентских выборах 16 марта Прогрессивной партии по скорейшей интеграции с ЕС.

Особенность «Южного потока» в том, что он почти не нацелен на новые рынки сбыта (в отличие от Nabucco и его последующих модификаций). Его основная цель — перенаправить транзитные потоки газа, идущие через Украину (по украинским данным, 86,1 млрд м³ в 2013 году против 119,6 млрд м³ в 2008-м) в обход нее. Перед ЕС сегодня стоит нетривиальный выбор: либо «похоронить» проект «Южного потока» с целью политической и экономической поддержки Украины, принимая при этом на себя риски вполне ожидаемых транзитных кризисов образца 2009 года и проблему реконструкции украинской ГТС (даже по скромной оценке НАК «Нафтогаз Украины» стоимостью не менее 5,3 млрд долларов), либо дать реализоваться проекту, избавив себя тем самым от этих рисков, но и существенно подорвав экономическое положение Украины (в 2013 году ее доход от транзита газа составил без малого 3,6 млрд долларов), а также допустив усиление позиций России на Балканах, прежде всего, в странах бывшей СФРЮ. Победит ли в данном случае экономический прагматизм или политическая целесообразность, пока можно только догадываться.

При этом даже если газопровод будет построен, Еврокомиссия сохраняет возможности для блокирования его работы по аналогии с требованиями к газопроводу Opal, то есть предоставления 50% мощности сторонним поставщикам. Как известно, это сделало практически невозможным полноценную загрузку «Северного потока», которая в 2013 году составила только 23,6 млрд м³, то есть лишь 43% от проектной мощности.

В целом «Южный поток» — это, возможно, та единственная «лакомая бумага», по которой уже в этом году станет понятно, насколько решительна позиция ЕС по сворачиванию энергетических связей с Россией. Пока свои слова сказали только Европарламент и Еврокомиссия. Болгария, на

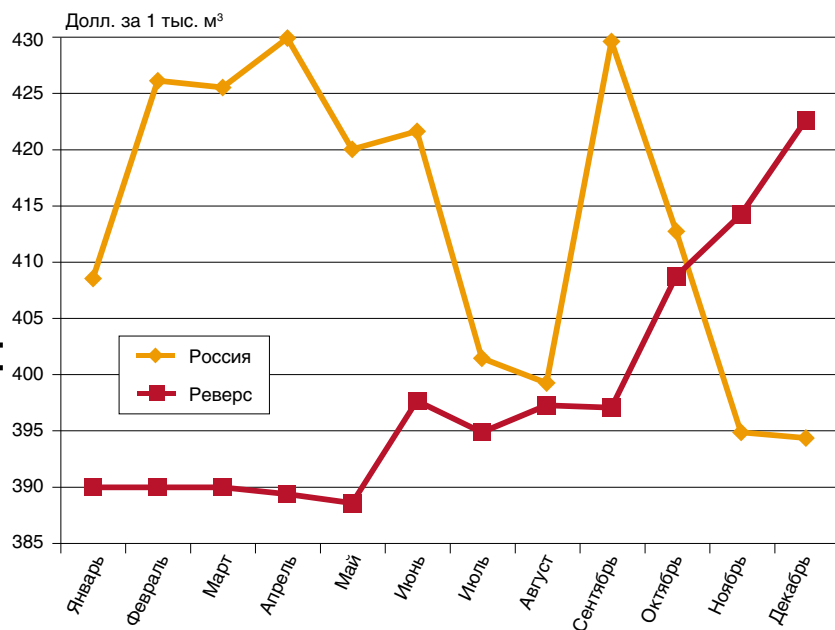


Рис. 1. Среднемесячные цены на российский газ и реверсный газ, поставляемый из ЕС, для Украины в 2013 году

Источник: Госстат Украины, 2014

которую Еврокомиссия оказывает особенно сильное давление, по-прежнему активно сопротивляется и пытается на уровне национального законодательства вывести «Южный поток» из-под действия Третьего энергопакета. Не менее важно и то, что 29 апреля «Газпром» подписал с OMV меморандум о намерениях по строительству участка «Южного потока» в Австрии.

3. Увеличение роли Китая во внешнеэкономической стратегии «Газпрома».

Независимо от подписания или неподписания в мае 2014 года ожидаемого уже порядка 15 лет контракта на поставки газа в Китай, очевидно, что позиции двух стран с каждым годом сближаются. Этому есть две объективные причины. Первая — рост цен на новые контрактующие Китаем объемы импорта газа (особенно СПГ), уже приближающиеся к японским, что смягчает ценовые противоречия. Вторая — более стремительный, чем планировалось ранее, рост спроса на газ на внутреннем рынке Китая, в том числе благодаря мерам по стимулированию спроса, заложенным в «Политику использования природного газа» от 31.10.12, утвержденную Национальной комиссией по развитию и реформам Госсовета КНР.

Однако если для Китая поставки российского газа — это стратегически важный источник (в силу упоминавшегося выше «тылового» значения), но все-таки не требующий срочного включения

в газовый баланс, по крайней мере, до 2025 года, то для России — это не только «ключ зажигания» ее Восточной газовой программы (строительства «Силы Сибири», ГПЗ в Белогорске, освоения Чаяндинского и Ковыктинского месторождений), но и единственный, наравне с Южной Кореей крупный, еще не освоенный рынок, для которого российский газ сохраняет привлекательность.

Единственное, что действительно изменилось с началом украинского кризиса, — это перспективы импорта российского газа со стороны самой Украины. Украина в последние годы и так уже в два раза сократила импорт российского газа (28 млрд м³ в 2013 году, с учетом реверсных поставок российского газа из ЕС, против 56,2 млрд м³ в 2008-м). Дальше, как казалось, падать некуда. Однако общий вектор, и при В. Ющенко, и при В. Януковиче, и при революционной власти, остается один и тот же — постепенно всеми возможными способами снижать закупки российского газа. Ожидать существенного прироста внутренней добычи газа на Украине из традиционных источников в перспективе ближайших 10–15 лет нет оснований, хотя Укргаздобыча в 2011–2013 годах весьма активно взялась за извлечение низконапорного газа из истощенных месторождений. Наиболее перспективные проекты по добыче газа до 2020 года были связаны с шельфом п-ова Крым и теперь Украине недоступны (характерно, что более 40% прироста добычи газа на Украине в 2013 году пришлось именно на «Черноморнефтегаз»). Перспективы добычи сланцевого газа еще сомнительнее, особенно на фоне отказа продолжать ГРП на сланцевый газ в соседней Польше со стороны Total, Marathon Oil и ExxonMobil. Впрочем, Shell и Chevron пока продолжают ГРП на Украине. Строительство СПГ-терминала в Одесской области еще менее перспективно, прежде всего, из-за высокой себестоимости поставок и технических ограничений на прокладку газопроводов через Босфор. Таким образом, реальные возможности замещения поставок российского газа дает только его же реверс с территории Польши, Венгрии и Словакии. Для России в ближайшие годы это неплохой вариант, поскольку таким путем увеличиваются закупки российского газа со стороны стран ЕС. Однако нет никакой уверенности, что ближе к 2020 году

в реверсных поставках не будет задействован газ из других источников.

Нельзя не заметить, что газовая составляющая украинского кризиса не имеет прямого отношения к территориальным спорам, а связана исключительно с ценовой политикой России. В случае если бы «Газпром» сохранил цену на уровне 385 долл./тыс. м³, то есть без учета денонсации Харьковских соглашений 2010 года, у «Нафтогаза» не было бы экономических стимулов к снижению поставок российского газа, поскольку указанная цена даже ниже минимальной среднемесячной стоимости реверсного газа, который компания закупала в 2013 году (рис. 1).

В проекте новой Энергетической стратегии России на период до 2035 года, внесенной в феврале 2014 года в Правительство РФ (то есть еще до Крымского кризиса и последующих событий), как минимум две из четырех основных целей внешней энергетической политики России напрямую относятся к проблеме диверсификации. А именно: ускоренный выход на рынки АТР и продуктовая диверсификация экспорта и повышение экспорта продукции глубокой переработки.

Согласно балансовым расчетам в приложении к ЭС-2035, доля АТР только в общем экспорте газа должна была возрасти от текущих 7 до 13% уже к 2020 году и до 33% к 2035-му (рис. 2). Доля трубопроводных поставок в Европу за тот же период, как ожидается, снизится с 60 до 42% (перспективы поставок СПГ в Европу после 2020 года, связанные, прежде всего, с разработкой Штокмановского месторождения, были неясными даже в тот момент). Однако в рамках проекта Стратегии рассматривается и сценарий риска, согласно которому доля поставок российского газа в АТР останется неизменной до 2020 года и увеличится лишь до 28% к 2035-му.

Характерно, что не меньших успехов планируется достичь и в диверсификации экспорта нефти. На фоне стагнации общих объемов экспорта сырой нефти доля АТР, согласно проекту ЭС-2035, увеличится с 20 до 26% (63 млн т/год) к 2020 году и до без малого 52,5% (120 млн т/год) к 2035-му. В сценарии риска-анализа те же показатели равны 27 и 43% соответственно. Нельзя не заметить, что на сегодняшний день «восточный поворот» в нефтяной отрасли находится на существенно более продвинутой стадии, чем в газовой.

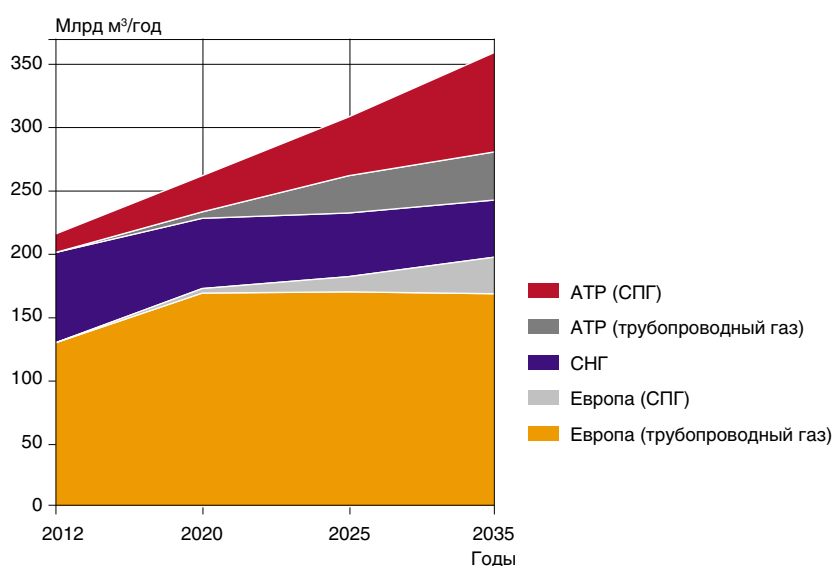


Рис. 2. Целевой сценарий структуры экспорта российского газа до 2035 года

Источник: Проект ЭС-2035 (февраль 2014 г.)

Ухудшение перспектив экспорта российского газа в Европу и СНГ на волне украинского кризиса будет иметь два парадоксально сочетающихся последствия. С одной стороны, доля стран АТР, и прежде всего Китая, в структуре российского газового экспорта будет выше всех озвученных ранее планов. Таким образом, формально цель диверсификации будет достигнута легче, раньше и полнее, чем ожидалось. С другой стороны, весь потенциал абсолютного прироста спроса также целиком смещается на восток, а не распределяется относительно ровно между Европой и Азией. Более того, учитывая близость к насыщению внутренних рынков Японии и Южной Кореи и слабую конкурентоспособность российского СПГ в Юго-Восточной и Южной Азии, этот потенциал после 2020 года будет связан почти исключительно с Китаем. Это обнажает сразу две уязвимые точки в российской газовой стратегии. Первая — риск чрезмерной зависимости от рынка Китая как по объемам поставок, так и по выручке от экспорта газа. Причем зависимость газовой отрасли Восточной Сибири и Дальнего Востока от основного потребителя будет намного выше, чем в зоне ЕСГ в силу крайне незначительного внутреннего потребления в регионе. Вторая — формирование явных дисбалансов в добыче и сбыте газа в зоне ЕСГ, что потребует пересмотра целого ряда инвестиционных проектов как в добыче газа, так и в его транспортировке по магистральным газопроводам.

А. М. Белогорьев